

ФРАНКО-РУССКИЙ СОЮЗ В СИСТЕМЕ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ КОНЦА XIX — НАЧАЛА XX вв.¹

В статье рассматривается вопрос о функционировании франко-русского союза в конце XIX — начале XX вв. в контексте проблемы поляризации системы международных отношений накануне Первой мировой войны. Автор приходит к выводу о том, что несмотря на подписание в 1892 г. военной конвенции, отражавшей тенденцию к поляризации, сотрудничество России и Франции в конце XIX — начале XX вв. часто носило ситуативный и ограниченный характер и не исключало для каждой из них создания политических комбинаций с государствами вне союза. Реальностью европейской политики, несмотря на существование довольно прочных военно-политических блоков, оставались также гибкие, временные, меняющиеся в зависимости от обстоятельств группировки европейских держав. Однако после заключения Антанты европейская политика все в большей степени приобретала характер блокового противостояния. Франко-русский союз сохранил декларированную ранее задачу поддержания европейского равновесия, однако элементами этого равновесия становились блоки, а не отдельные державы, что неизбежно предполагало расширение союзнических обязательств и более высокую угрозу общеевропейского конфликта.

Ключевые слова: Франко-русский союз; Антанта; происхождение Первой мировой войны; франко-русские отношения; система союзов.

Формирование франко-русского союза явилось важным этапом в истории международных отношений конца XIX в. Нередко это событие рассматривается как шаг в процессе поляризации европейской системы, приведшей к началу Первой мировой войны. В ряде работ, посвященных исследованию ее причин, блоковая политика фигурирует в качестве одного из факторов, определявших характер и динамику отношений между великими державами в начале XX в. и сыгравших немаловажную роль в возникно-

---

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и Национального научного фонда Болгарии № 20–59–18007.

вании Великой войны. Истоки подобных взглядов можно найти в настроениях либеральных политических деятелей и общественности, распространенных после окончания войны прежде всего в Великобритании и США, для которых было характерно осуждение силовой политики и принципа баланса сил как механизма регулирования международных отношений. Размежеванию на блоки, рассматриваемому как проявление этих пагубных начал, противопоставлялся идеал коллективной безопасности, воплощением которого была призвана стать Лига Наций.

Уже в постбиполярный период известный американский дипломат и государственный деятель Г. Киссинджер видел в создании франко-русского союза веку на пути стремительного движения Европы к войне, шаг к тому, чтобы европейская политика превратилась в «игру с нулевой суммой», где выигрыш одного союза означал проигрыш другого, неизбежной была гонка вооружений и отсутствовала возможность компромисса. Следующим логическим шагом на этом пути стало формирование Антанты, по мнению Киссинджера, окончательно похоронившее систему европейского равновесия, основанную, в его интерпретации, на постоянном маневрировании держав, предполагавшую возможность создания различных временных комбинаций по отдельным вопросам мировой политики и, таким образом, исключавшую сведение всех значимых конфликтов к одному — межблоковому [17, р. 181–182].

Связь между началом Первой мировой войны и блоковым размежеванием прослеживается в работах французской исследовательницы А. Огенюис-Селиверстоф. При этом, обращаясь к истории франко-русского союза, она рассматривает не только политику и дипломатию Парижа и Петербурга, но и ту систему представлений о состоянии международных отношений, которая сложилась в обществах обеих стран в конце XIX — начале XX вв. Составляющей сближения двух держав, как полагает Огенюис-Селиверстоф, являлось восприятие русским общественным мнением лелеемой многими французскими политиками и интеллектуалами «схемы биполярной Европы», исходившей из тезиса о враждебности Германии и предполагавшей безальтернативность франко-русского союза [5, с. 151].

Вопрос о роли франко-русского союза в роковых событиях июля 1914 года не обошел вниманием кембриджский профессор К. Кларк, автор одной из наиболее широко цитируемых в последнее время книг о происхождении Первой мировой войны. Именно на Париж и Петербург он возлагает ответственность за создание условий для эскалации балканского кризиса в общеевропейскую войну. Кларк полагает, что готовность России и Франции поддержать Сербию в ее конфликте с Австро-Венгрией и де-факто расширение сферы действия союза на Балканы в преддверии Первой мировой войны явилось необходимым условием ее начала [10, р. 350].

Приведенные выше общие заключения о роли франко-русского союза не означают отсутствия нюансированности в оценках исследователей. Так, например, А. Огенюис-Селиверстоф отмечала попытки как французских, так российских государственных деятелей наладить отношения с Германией, К. Кларк подчеркивал, что расширение сферы действия франко-русского союза произошло лишь в последние предвоенные годы. Называя поляризацию европейской системы условием возникновения Первой мировой войны, историк в то же время указывал, что размежевание на блоки в равной степени способствовало эскалации конфликтов и их сглаживанию в предвоенной Европе. Позитивное воздействие создания франко-русского союза на стабильность международного положения склонен признать А. В. Ревякин. С его образованием, по мнению исследователя, «равновесие в силах основных держав, сложившееся ранее в результате национальных войн, приобрело устойчивый характер. Наличие двух противостоящих друг другу военных союзов, объединявших крупнейшие и самые могущественные государства Европы, делало любую попытку нарушить существующий баланс сил исключительно рискованной. Не случайно крупнейшие государства впредь в течение 20 лет воздерживались не только от использования военной силы в Европе, но даже от угрозы ее применения... В конце XIX — начале XX в. мир, по крайней мере, в Европе, казался как никогда прочным и незыблемым. Государства находили возможность решать путем компромиссов даже застарелые и болезненные противоречия» [6, с. 177–178].

Наличие разных оценок характера воздействия франко-русского союза на европейскую политику побуждает вновь обратиться к вопросу о его значении в контексте проблемы поляризации системы международных отношений в конце XIX — начале XX вв.

Рассматривая более чем двадцатилетнюю историю союза Франции и России до Первой мировой войны, исследователи справедливо выделяли несколько этапов в его функционировании, которые определялись, по словам В. И. Бовыкина, как общими изменениями в расстановке сил на международной арене, так и соотношением мощи держав внутри союза [2, с. 57].

Изначально он был призван решить задачу преодоления изоляции России и Франции перед лицом стремившейся укрепить Тройственный союз Германии и наметившегося сближения Великобритании с державами Тройственного союза, одним из выражений которого стало создание в 1887 г. Средиземноморских антант, фактически направленных против интересов Парижа и Петербурга. Заключение союза упрочило позиции обеих стран на международной арене. Созданный в противовес Тройственному союзу, он, однако, не привел к ухудшению отношений России и Франции со странами, входившими в эту группировку, а скорее побудил последних к поиску возможностей сотрудничества с Парижем и Петербургом. Уже к 1894 г. наметилось улучшение русско-германских отношений, а в следующем году Петербург, Париж и Берлин оказали совместное давление на Японию, вынудив ее отказаться от некоторых плодов победы в войне с Китаем; возможности франко-русско-германского сотрудничества проявились в условиях Ближневосточного кризиса 1895–1897 гг.; в 1897 г. Австро-Венгрия и Россия заключили так называемую Балканскую антанту, декларировав свою заинтересованность в поддержании статус-кво на полуострове и договорившись о консультациях в случае осложнений ситуации; на рубеже XIX — XX вв. Париж и Рим вступили на путь преодоления колониальных противоречий. В отчете МИД России за 1901 г. констатировалось благотворное влияние русско-французского союза на ситуацию в Европе. На Певческом мосту полагали, что благодаря заключению соглашений России с Францией «Тройственный союз утратил присущий ему в первые годы создания вызывающий

характер», а «входящие в состав его государства пытаются вступить в более тесные и дружественные отношения с другими державами, что в значительной степени способствует упрочению общего мира и согласия в Европе» [Архив Внешней политики Российской Империи (АВПРИ). Ф. 137. Оп. 475. Д. 132. Л. 16]. Оценивая значение союза для Франции, в 1908 г. А. Тардьё писал, что он способствовал росту ее авторитета и «дипломатической ценности». Он открыл для Франции возможности для политических комбинаций, которые были исключены в предшествовавший период изоляции [21, р. 14].

Представляется, что сам факт сближения двух стран в конце XIX в., «политическая антанта», созданная соглашением 1891 г., играли в первое десятилетие существования союза большую роль, чем собственно военная конвенция, хотя последняя и подкрепляла политическое согласие. Европейская война не рассматривалась как ближайшая или сколько-нибудь желательная перспектива ни одной из великих держав. Характеризуя русско-французское взаимодействие в то время, А. В. Неклюдов в депеше направленной в декабре 1910 г. незадолго до того назначенному министром иностранных дел С. Д. Сазонову указывал на «скорее осторожную политику России по отношению к Германии», которая «сдерживала Францию и направляла ее отчасти по следам России на колониальное соперничество с Великобританией» [4, с. 10–11]. Подобная характеристика в некоторой степени перекликалась с тем, что писали в 1895 г. «Биржевые ведомости»: «Европа как бы мирится со своим положением, с существующими границами и отношениями государств, старается забыть свои старые счеты в других частях земного шара...». Перенесение центра тяжести европейской политики на другие материки, активизация колониального соперничества создавали, по мнению издания, «возможности совершенно иной группировки держав», в качестве примера которой оно приводило упомянутую выше русско-франко-германскую комбинацию, способствовавшую, в оценке журналистов, «весьма благополучному исходу японо-китайской войны» [цит. по: 7, с. 50]. Таким образом, если тенденция к поляризации и прослеживалась в военных обязательствах в рамках существовавших союзов, реальностью европей-

ской политики в конце XIX в. являлись гибкие, временные, меняющиеся в зависимости от обстоятельств комбинации европейских держав.

Этому способствовала некоторая неопределенность в вопросе о сфере действия франко-русского союза. Хотя военная конвенция имела ограниченный характер и была направлена против нападения со стороны Германии и ее союзников, область применения политического соглашения оставляла простор для возможных интерпретаций. Франция и Россия, охарактеризовав себя как державы, «оставшиеся вне какого-либо союза» в ситуации возобновления Тройственного союза и вероятного присоединения Великобритании к его политическим целям договаривались «совещаться между собой по каждому вопросу, способному угрожать всеобщему миру».

Примечательно, что в Великобритании, политические круги которой видели в России и Франции своих основных соперников, отсутствовало единство в оценке того, насколько тесным и угрожающим интересам Лондона способно стать их сотрудничество. Пожалуй, наибольшее беспокойство испытывали колониальные деятели и публицисты, связанные с Британской Индией. Так, в ноябрьском номере авторитетного журнала «Найинтинс сенчури» Л. Гриффин, занимавший должности в англо-индийской администрации, писал о том, что «союз России и Франции направлен так же против Англии и ее восточной империи, как и против держав Тройственного союза». Дружба Парижа и Петербурга, с точки зрения Гриффина, не сулила ничего хорошего ни Тройственному союзу в Европе, ни английскому спокойствию и могуществу в Азии...» [15, р. 675, 680]. Еще раньше, в августе 1893 г., то же издание поместило статью Дж. Н. Керзона с красноречивым названием «Индия между двух огней», в которой автор призывал обратить внимание на русско-французское сближение, способное при определенных обстоятельствах стать для Британской империи «угрозой первой величины» [11, р. 177].

Более спокойно комментировала франко-русское сближение газета «Таймс». Так, например, в редакционной статье от 8 августа 1891 г. как «практически немислимое» представлялось партнерство

этих двух держав в достижении тех планов, которые, по мнению издания, были особенно лелеемы той или иной стороной. «Француз, верящий, что царь будет воевать с Германией за то, чтобы республика получила левый берег Рейна, находится в состоянии величайшего заблуждения. Точно так же, русские... обманываются, если считают, что Франция будет рисковать ради того, чтобы поддержать их восточную политику» [12]. Автор даже высказывал мысль о том, что, находясь в изоляции, такие страны, как Россия и Франция, могут быть склонны вынашивать более опасные планы, чем в ситуации, когда каждая из них берет обязательство действовать лишь в согласии с другой. Газета достаточно сочувственно, хотя и не без иронии, отнеслась к словам одного из венских изданий о том, что соглашение России и Франции составляет «вторую лигу мира». «Лигой мира» в то время в Великобритании порой называли Тройственный союз как комбинацию, сдерживающую представляющиеся угрожающими интересам Великобритании потенциальные устремления России и Франции. Однако ориентация исключительно на Тройственный союз сулила определенные неудобства для Лондона, что отразилось в утверждении парижского корреспондента газеты «Таймс», заметившего в октябре 1899 г., что франко-русский союз был всегда выгоден для Англии, позволяя ей играть на противоречиях двух блоков и заставляя их участников, в частности Германию, быть более сговорчивыми по отношению к Лондону [13].

В значительной степени оценки газеты относительно несовпадения интересов Франции и России представлялись справедливыми. Сотрудничество двух держав часто было ситуативным и ограниченным. Так, в начале 1898 г. на Певческом мосту констатировали, что «достигая наибольшей силы и крепости в вопросах собственно европейских, дружеские узы, связующие Россию и Францию, по мере удаления от центра нашего материка, постепенно ослабевают, на Ближнем Востоке встречая препятствия в унаследованных от прошлого несогласиях, а на Крайнем — оставляя Францию совершенно равнодушной к нашим интересам...» [цит. по: 7, с. 215]. В свою очередь Россия, не поощряя реваншистских устремлений Третьей республики, далеко не всегда спешила поддерживать и ее колониальные притязания, что отчетливо проя-

вилось в ходе Фашодского кризиса 1898 г. [1, с. 215–219]. А. Тардьё охарактеризовал период с 1893 по 1902 гг. как время, когда «согласованным действиям союзников недоставало интенсивности и последовательности. Каждый из них заботился о своих собственных делах, хотя и извлекая пользу из той моральной поддержки, которую приносил союз» [21, р. 17].

Хотя французский дипломат рассматривал период конца XIX — начала XX вв. в функционировании франко-русского союза как единый, на рубеже столетий взаимные обязательства двух стран были несколько расширены. Так, 9 августа 1899 г. состоялся обмен письмами между министрами иностранных дел М. Н. Муравьевым и Т. Делькассе, из которого следовало, что военная конвенция между двумя странами, срок действия которой ранее был обусловлен существованием Тройственного союза, становилась бессрочной. В качестве же цели заключения соглашения декларировалось не только «поддержание всеобщего мира», но также и «равновесия европейских сил» [7, с. 304]. На рубеже веков начальники генеральных штабов России и Франции согласовали вопрос о взаимной помощи в войне против Великобритании. В случае нападения последней на Россию Франция обязывалась сосредоточить 100 тыс. человек на побережье Ла-Манша и угрожать вторжением на Британские острова. Английская агрессия против Франции обязывала Россию сосредоточить не менее 300 тыс. человек на границе с Индией и Афганистаном. Расширению военных обязательств соответствовало предоставление России французского займа на строительство железной дороги Оренбург — Ташкент, призванной облегчить подвоз войск к границам Индии [8, р. 124–125].

Исследователи по-разному оценивают значение этих событий в истории франко-русского союза. В работах отечественных специалистов они, как правило, не рассматриваются как отдельный этап. Так, В. И. Бовыкин и И. С. Рыбаченок в качестве определенной вехи в эволюции союза называли 1904 г., ознаменованный изменениями в расстановке сил великих держав в связи с заключением англо-французской Антанты. [2, с. 57; 7, с. 5]. В то же время П. Ренувен был склонен связывать с приходом в июне 1898 г. на пост министра иностранных дел Третьей республики Т. Делькассе

новый этап в развитии франко-русского союза. [20, р. 132]. Принципиальным, с точки зрения французского исследователя, являлось расширение сферы действия союза, которое подразумевалось соглашением 1899 г. В интерпретации Ренувена, в его основе лежала попытка Делькассе склонить Россию к изменению позиции по вопросу Эльзаса и Лотарингии, пообещав в обмен большую степень вовлеченности Франции в политику на Балканах. Это представляло собой отход от линии, которой придерживались предшественники Делькассе, М. Бертело и Г. Аното, рассматривавшие Восточный вопрос как лежащий вне поля действия союзных обязательств. Дополнение военной конвенции протоколами, предполагавшими совместные действия против Великобритании, Ренувен объясняет обострением англо-французских отношений в условиях англо-бурской войны. Отмечая новые черты в политике Делькассе по отношению к России, исследователь вместе с тем далек от утверждения о том, что изменения носили стратегический характер. Он считает вполне вероятным ситуативный характер подписанных на рубеже веков документов. [20, р. 133]. Важно, что попытку укрепить союз Делькассе предпринял на волне того тягостного впечатления, которое оказала прежде всего на командование французской армии, но и на политиков, рассчитывавших на Россию как на союзницу в возможной войне против Германии, инициатива российского императора созвать конференцию по сокращению вооружений, а также в условиях, когда было необходимо рассеять возможные сомнения Петербурга в союзоспособности Франции в связи с делом Дрейфуса.

Более подробно на анализе дипломатии Т. Делькассе останавливается британский исследователь К. Эндрю. Для него инициированное французским министром иностранных дел соглашение 1899 г. — это прежде всего реакция французского империализма на вызов германской мировой политики. По мнению Эндрю, Делькассе в тот момент ожидал краха Австро-Венгрии и безосновательно опасался русско-германского соглашения о ее будущем, которое позволило бы Второму рейху утвердить свои позиции в качестве средиземноморской державы. Воспрепятствовать такому сценарию развития событий была призвана «реанимация»

франко-русского союза, выразившаяся в обмене письмами между двумя министрами иностранных дел. В то же время К. Эндрю не оставляет без внимания и обретение союзом ясной антианглийской направленности, которая стала следствием опыта Фашодского кризиса и убежденности Делькассе в необходимости гарантировать более ощутимую поддержку со стороны России против Великобритании [8, р. 119–135].

Антианглийская направленность прослеживалась и в декларации России и Франции, с которой правительства обеих стран выступили в марте 1902 г. в связи с заключением англо-японского союза. Обращаясь в 1908 г., то есть уже после заключения Антанты, к факту обнародования этой декларации, как и предшествовавшим случаям поддержки Парижем дальневосточных устремлений России, А. Тардьё трактовал ее как проявление слабости политики Франции, которая, подтолкнув Россию к войне с Японией, в то же время столкнулась с опасным вызовом со стороны Германии в период Марокканского кризиса и едва не поставила союз на грань краха. Для Тардьё было очевидно, что попытки расширения сферы действия союза на неевропейские вопросы противоречили его сути и главному назначению [21, р. 19–21]. Однако представляется, что в условиях конца XIX — начала XX вв. они объективно отражали как разновекторность политики каждой из великих держав, так и волатильность их комбинаций. Примечательно, например, что отчеты русского МИД констатировали в 1901 и 1902 г. тенденцию к франко-германскому сближению [АВПРИ. Ф. 137. Оп. 475. Д. 132. Л. 2; Д. 133. Л. 3, 4].

Заключение англо-французской Антанты в 1904 г. стало шагом от волатильности к большей жесткости группировок великих держав. Эту тенденцию высвечивают слова французского посла в Петербурге М. Бомпара, сообщавшего в Париж, что «если за англо-французским соглашением не последует англо-русское, то за ним последует русско-германское» [9, р. 28]. Сходную мысль высказывал Неклюдов, отметивший, что после Портсмутского мира русской политике «предоставлялись на выбор лишь два исхода — либо приступить к Англо-Французскому соглашению, либо решительно повернуть к Германии» [4, с. 16]. Замечания дипломатов, казалось бы,

позволяют ставить вопрос о кризисе, который переживал союз на том этапе. Действительно, с 1903 г. стала все более ощущаться разнонаправленность в политике двух стран: если Франция взяла курс на урегулирование разногласий с Великобританией, то англо-русские противоречия, напротив, обострялись прежде всего в связи с развитием событий на Дальнем Востоке. Николай II высказывал определенные предпочтения созданию континентальной комбинации держав, носившей антианглийскую направленность. Вместе с тем ценность сохранения франко-русского союза осознавалась в политико-дипломатических кругах обеих его участниц. Париж стремился не выбирать между Англией и Россией, а развивать отношения с обеими странами, способствуя их сближению. Ряд русских дипломатических документах свидетельствует о позитивном восприятии англо-французской Антанты. Так, посол в Лондоне А. К. Бенкендорф в ноябре 1904 г. писал В. Н. Ламздорфу о том, что «французская позиция в Англии полезна для русских интересов», а в отчете МИД за 1906 г. констатировалось, что укрепление «сердечного согласия» Англии и Франции является «в настоящий политический момент одним из важнейших устоев сохранения европейского мира» [АВПРИ. Ф. 138. Оп. 467. Д. 225. Л. 104 об. — 105; Ф. 137. Оп. 475. Д. 138. Л. 38].

Обращаясь к истории франко-русского союза после заключения Антанты, историки неизбежно рассматривают ее в контексте проблемы происхождения Первой мировой войны и порой приходят к выводу о том, что одна из союзниц вынудила воевать другую за свои интересы. При этом на вопрос о том, чьи же интересы — России или Франции — оказались в итоге доминирующими, даются разные ответы. Так, У. Лангер полагал, что посредством союза, а затем и Антанты Франция и Англия оказались втянуты в защиту русских интересов на Ближнем Востоке [18, р. 416–417]. Напротив, В. И. Бовыкин характеризовал период с 1904 по 1914 гг. как время, когда англо-германские противоречия вышли на первый план, франко-русский союз потерял свое самостоятельное значение, став инструментом для втягивания России в войну против Германии [2, с. 57]. Не солидаризируясь в полной мере ни с одной из точек зрения, отметим, что подобная постановка проблемы отражает

фактически произошедшее после 1907 г. расширение сферы действия франко-русского союза.

Безусловно, что в основе англо-французского и англо-русского сближения лежали разные причины. Если для Франции Антанта носила антигерманский характер, то для России приоритетом являлось урегулирование возможных поводов для конфликтов, закрепление существующих позиций в Центральной Азии, обеспечение передышки после поражения в войне с Японией, но в то же время недопущение того, чтобы согласие обрело выраженную антигерманскую направленность.

Однако после заключения Антанты европейская политика все в большей степени приобретала характер блокового противостояния. Этому способствовал как рост англо-германского антагонизма, так и во многом обусловившее его более активное проникновение Германии на Ближний Восток, расширявшее также область русско-германских противоречий. Эта тенденция сказывалась и на франко-русском взаимодействии. Некоторая степень неопределенности в отношении готовности союзников к активной взаимной поддержке оставалась, что проявлялось в период Боснийского и Второго Марокканского кризисов. В преддверии начала Балканской войны занимавший пост посла в Париже А. П. Извольский писал С. Д. Сазонову о существующей во Франции традиционной симпатии к Австро-Венгрии и весьма распространенном убеждении, что «из этой державы можно сделать противовес Германии». [4, с. 216]. Однако с началом Балканских войн русский дипломат констатировал «поворот умов» во Франции в пользу балканских государств и русской точки зрения [4, с. 292], а вскоре занимавший пост премьер-министра Франции Р. Пуанкаре выразил готовность признать вопрос о возможных приобретениях Австро-Венгрии на Балканах вопросом европейского равновесия, что часто рассматривается как предвестие французской поддержки России в период июльского кризиса. Примечательно, что предложения, направленные на то, чтобы посеять рознь среди Центральных держав, которые могли бы служить ослаблению межблокового размежевания, хотя и рассматривались в странах Антанты, не встречали поддержки со стороны тех, кто определял курс внешней политики. Раздельное существование

двух систем союзов — такова, по мнению британского исследователя Дж. Кигера, была внешнеполитическая установка, которой руководствовался Р. Пуанкаре [16, р. 649]. В этом вопросе глава французского правительства выражал солидарность с британским министром иностранных дел Э. Греем, отвергавшим проекты, нацеленные на то, чтобы привлечь Австро-Венгрию в стан Антанты [19, р. 247–248].

Решения Пуанкаре побудили исследователей задаться вопросом о роли субъективного фактора в политике. Его значение признавали современники. Пожалуй, наиболее отчетливо о его роли было заявлено в не раз цитированных дневниках занимавшего пост посла в России в период с 1910 по февраль 1913 г. Ж. Луи. Дипломат передавал запись своей беседы с С. Пишоном, в которой собеседники согласились в том, что, если бы Луи оставался послом в Петербурге, Пишон — на посту министра иностранных дел, а Елисейский дворец занимал А. Фальер, а не Пуанкаре, война бы не началась [3, с.52]. Не сбрасывая со счетов роль фактора личностей в истории, отметим, что Балканы становились средоточием европейского равновесия не по воле Пуанкаре. Характерно, что со времени Боснийского кризиса Германия проявляла готовность расширить свои обязательства в отношении Австро-Венгрии, рассматривая как соответствующую собственным интересам поддержку союзницы даже в наступательной войне на Балканах. Как писал Р. Жиро, исследовавший отношения России и Франции на Балканах в 1912 г., существовавшие различия в локальных интересах, которые, так же как и превосходившие их по значению общие выгоды от союза, до того времени лежали в основе двустороннего взаимодействия, фактически исчезли. Локальное слилось с глобальным, интересы России и интересы Франции, существовавшие отдельно друг от друга, растворились в общих интересах Тройственной Антанты. [14, р. 181]. Франко-русский союз сохранил декларированную ранее задачу поддержания европейского равновесия, однако элементами этого равновесия становились блоки, а не отдельные державы, что неизбежно предполагало расширение союзнических обязательств и более высокую угрозу общеевропейского конфликта.

Список литературы

1. Айвазян А. А. Египетский вопрос в международных отношениях в конце XIX — начале XX вв.: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.03. М., 2014. 306 с.
2. Бовыкин В. И. Из истории возникновения первой мировой войны. Отношения России и Франции в 1912–1914 гг. М.: Издательство Московского университета, 1961. 208 с.
3. Луи Ж. Записки посла: С прил. переписки Ж. Луи с Пуанкарэ и Сазонова с Извольским и писем Пуанкарэ, Пишона, Палеолога, Камбона и др. по поводу появления «Записок посла» / Пер. и коммент. С. А. Лопашова; Предисл. Е. А. Адамова. М: Литиздат НКВД, 1925. 88 с.
4. Материалы по истории франко-русских отношений за 1910–1914 гг. Сборник секретных дипломатических документов бывшего Императорского Российского министерства иностранных дел. М.: [б. и.], 1922. 733 с.
5. Огеноис-Селиверстоф А. Франция — Россия — Германия (1878–1918) // Россия и Франция XVIII–XX века. Вып. 3 / отв. ред. П. Черкасов. М: Наука, 2000. С. 149–165.
6. Ревякин А. В. История международных отношений в новое время: Учебное пособие. М.: РОССПЭН, 2004. 262 с.
7. Рыбаченок И. С. Союз с Францией во внешней политике России в конце XIX в. М.: Ин-т истории СССР, 1993. 351 с.
8. Andrew C. Théophile Delcassé and the Making of the Entente Cordiale: A Reappraisal of French Foreign Policy 1898–1905. Palgrave: Macmillan, 1968. 330 p.
9. Bovykin V. I., Spring D. W. The Franco-Russian Alliance // History. 1979. Vol. 64, № 210. P. 20–35.
10. Clark C. The Sleepwalkers: how Europe went to war in 1914. New York: Harper, Kindle Edition, 2014. 698 p.
11. Curzon G. N. India between two fires // Nineteenth Century. 1893. № 198. P. 177–186.
12. [Editorial] // Times. 1891. 8 Aug. P. 9.
13. Europe and the War (from our Paris Correspondent.) // Times. 1899. 26 Oct. P. 13.
14. Girault R. Les Balkans dans les relations franco-russes en 1912 // Revue Historique. T. 253, № 1 (513). P. 155–184.
15. Griffin L. England and France in Asia // Nineteenth Century. 1893. № 201. P. 673–687.
16. Keiger J. Jules Cambon and Franco-German Détente, 1907–1914 // The Historical Journal. 1983. Vol. 26, № 3. P. 641–659.

17. Kissinger H. Diplomacy. New York: Simon & Schuster, 1995. 912 p.
18. Langer W. The Franco-Russian Alliance. 1890–1894. Cambridge: Harvard University Press, 1929. 455 p.
19. Poincaré R. Au service de la France, neuf années de souvenirs. T. 1: Le lendemain d'Agadir. 1912. Paris: Plon-Nourrit, 1926. 391 p.
20. Renouvin P. Les relations franco-russes a la fin du XIXe et au début du XXe siècle: Bilan des recherches // Cahiers du Monde russe et soviétique. 1959. Vol. 1, № 1. P. 128–147.
21. Tardieu A. France and the Alliances. The Struggle for the Balance of Power. New York: Macmillan, 1908. 314 p.

Romanova E. V.

PhD (in History), History Faculty, Lomonosov Moscow State University, Associate Professor of the Department of Modern and Contemporary History

**FRANCO-RUSSIAN ALLIANCE IN THE INTERNATIONAL
RELATIONS SYSTEM OF THE LATE 19th – EARLY 20th CENTURIES**

The article deals with the functioning of the Franco-Russian alliance in the late XIX – early XX centuries analyzed in the context of the problem of polarization of the system of international relations on the eve of the First World War. The author concludes that despite the signing of the military convention of 1892, reflecting the trend towards polarization, cooperation between Russia and France in the late XIX – early XX centuries was often situational and limited in nature and did not exclude for each of them the creation of political combinations with states outside the alliance. Despite the existence of fairly strong military-political blocs, flexible and temporary alignments of European powers also remained the reality of European politics. However, after the conclusion of the Entente, European politics increasingly acquired the character of a block confrontation. The Franco-Russian alliance retained the previously declared task of maintaining European equilibrium, but blocs, not individual powers, became elements of this equilibrium, which inevitably implied an expansion of allied obligations and a higher threat of a pan-European conflict.

Keywords: Dual Alliance, Entente, Origins of the First World War, Franco-Russian relations, alliance system